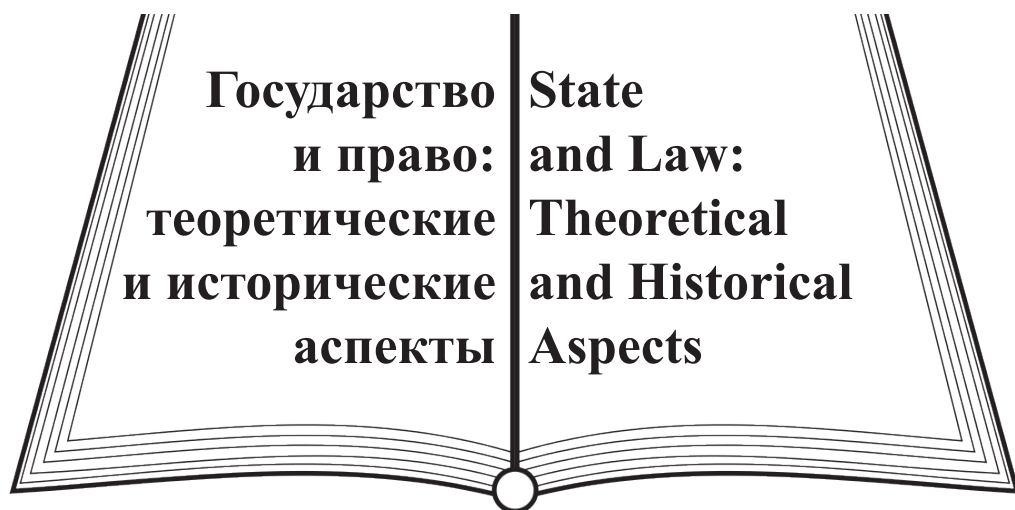

УДК 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-7-17

Г. М. Лановая

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,

Москва, Российская Федерация,

lanovaya-galina@mail.ru

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЖИВОТНЫХ: PRO ET CONTRA

Аннотация. Статья посвящена вопросу о целесообразности и необходимости в современных условиях юридического признания прав животных, подобных тем, которые принято считать естественными правами человека. Исследуя проблему, автор предлагает сосредотачивать внимание на аргументах правового, а не этико-философского характера, несмотря на то что для современных исследований типичным является апеллирование ко вторым.

С учетом того, что право для человека и общества имеет инструментальную ценность, важным представляется вопрос о том, способна ли легализация прав животных обеспечить решение проблем, актуальных для современного общества. Проведенный анализ позволяет утверждать, что на поставленный вопрос нельзя дать положительный ответ. В действительности легализация прав животных может иметь серьезные последствия, негативные в социальном плане и разрушительные для самого права.

Ключевые слова: права животных; правосубъектность животных; легализация прав животных; защита животных; экологический гуманизм; экологическое благополучие.

© Лановая Г. М., 2025

UDC 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-7-17

G. M. Lanovaya

Kikot Moscow University of the Interior of Russia,
Moscow, Russian Federation,
lanovaya-galina@mail.ru

LEGALIZING ANIMAL RIGHTS: PRO ET CONTRA

Abstract. The article is devoted to the question of the expediency and necessity in modern conditions of the legal recognition of animal rights, similar to those that are considered natural human rights. While investigating the problem, the author suggests focusing on legal arguments rather than ethical and philosophical ones, despite the fact that it is typical for modern research to appeal to the latter.

Given that law has an instrumental value for humans and society, it is important to consider whether the legalization of animal rights can provide solutions to problems relevant to modern society. The analysis suggests that the question cannot be answered positively. In fact, the legalization of animal rights can have serious consequences, socially negative and destructive for the law itself.

Keywords: animal rights; legal personality of animals; legalization of animal rights; animal protection; ecological humanism; ecological well-being.

Введение

Последние десятилетия XX века ознаменованы тем, что идеология классического гуманизма, провозглашающая человека высшей ценностью и мерой всех вещей, утрачивает свои лидирующие позиции. В этих условиях и для научного, и для обыденного мышления актуализируется вопрос о том, кто есть человек и каково его место в мире.

Предлагаемые решения поражают своим разнообразием. При этом в какофонии мнений отчетливо выделяются голоса сторонников экологического гуманизма, призывающих отказаться от противопоставления человека природе, от признания человека существом, обладающим высшей ценностью и особенными, в сравнении с другими живыми существами, привилегиями [1–5].

Одновременно с вопросом о том, кто есть человек и каково его место в мире, актуализируется проблема поиска критериев человеческого в человеке. И если в условиях господства идеологии классического гуманизма такими критериями безусловно признаются человеколюбие, милосердие и толерантность, то в идейно-ценностной парадигме экологического гуманизма человеческое в человеке связывается с его способностью проявлять эмпатию и сострадание не только к другим людям, но и к другим живым существам [1, с. 147–148; 6, с. 116–117; 7, с. 13–15].

Право не может оставаться индифферентным к тем изменениям, которые происходят в общественном сознании. В этой связи вполне закономерно, что в условиях популяризации идеи о смещении человека с «позиции» высшей ценности и лишения его гордого звания «меры всех вещей» как среди ученых, так и среди юристов-практиков возникают дискуссии о необходимости и целесообразности признания правосубъектности, по крайней мере некоторых других живых существ, а также о юридическом закреплении факта существования у них прав, подобных тем, которые признаются естественными правами человека.

Разобраться в доводах, которые приводят сторонники легализации прав животных, принципиально важно, и не только потому, что потребность в формировании взвешенной научной позиции по обозначенной проблеме давно назрела. В современных условиях значимость их изучения и оценки существенно возрастает в связи с тем, что апеллирование к ним в ряде случаев становится частью системы аргументации, приводимой как сторонниками, так и противниками признания правосубъектности искусственного интеллекта [8, с. 38–40; 9, с. 16]. Таким образом, можно утверждать, что решение вопроса о правах животных способно оказать ощутимое влияние на разрешение проблемы правосубъектности роботов, приобретающей остроту в условиях цифровизации и технократизации общественной жизни.

Степень научной разработанности темы

Актуальность вопроса о том, является ли легализация прав животных необходимой и целесообразной, обуславливает обращение к нему ученых практически по всему миру. Работы зарубежных исследователей [10–13] интересны прежде всего тем, что предлагают глубокий анализ существующей правотворческой и правоприменительной (в том числе судебной) практики. Российские ученые-юристы предпринимают попытки теоретического осмысления тех дискуссий, которые ведутся зарубежными специалистами, и стремятся выработать на основе проведенного анализа предложения и рекомендации, реализация которых могла бы способствовать совершенствованию российского законодательства о защите прав животных [14–16].

Методы исследования

В исследовании автор применяет междисциплинарный подход, востребованность которого определяется, во-первых, сложным характером исследуемой проблемы и, во-вторых, апеллированием сторонников и противников легализации прав животных к аргументам, выходящим за рамки правового поля.

Изучая вопрос о необходимости и целесообразности легализации прав животных, автор использует компоненты формально-юридической, социологической, антропологической, диалектической, системной методологии. В ходе проведения исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы, выработанные теорией государства и права.

Основное исследование

Сторонники легализации прав животных для обоснования своих суждений приводят множество разнообразных аргументов, имеющих чаще всего этико-философский смысл. Для современных исследований типичны рассуждения о ценности жизни как таковой, вне зависимости от того, о ком идет речь; о возможности проведения параллелей между эмоциями и поведением людей и животных; о способности живых существ испытывать боль; о том, что если права предоставляются людям с очень ограниченными когнитивными способностями, то принцип формального равенства требует, чтобы они были предоставлены и животным, обладающим развитыми когнитивными способностями (человекообразным обезьянам, китам, дельфинам, собакам, кошкам, свиньям, тюленям, медведям и некоторым другим); о том, что в современном мире у человека часто формируются более прочные эмоциональные привязанности к животным, чем к другим людям [10, с. 470–472; 11, с. 9–17, 94–101; 14, с. 104–105; 15, с. 34–39; 17, с. 5–13].

Не вступая в полемику об уместности этико-философской аргументации при обосновании решений различных юридических проблем, важно тем не менее учитывать два обстоятельства.

Во-первых, право имеет инструментальную ценность и поэтому принципиально значимым для формирования взвешенной научной позиции по проблеме легализации прав животных является ответ на вопрос, может ли легализация способствовать решению конкретных задач, приобретающих актуальность в современных реалиях.

Во-вторых, право является инструментально ценным именно для человека и человеческого общества. Уместным будет вспомнить меткие наблюдения Э. Фромма: «Человек — единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться» [18, с. 445]. Человек «утратил свою первоначальную родину — природу. Он никогда уже не сможет туда вернуться... У него теперь только один путь: покинуть свою естественную родину и искать новую, которую он сам себе создаст...» [18, с. 445–446]. Право конструируется человеком как часть той его «новой родины», которую принято называть культурой, и субъективное право предстает в данном контексте культурным артефактом, инструментально пригодным для решения проблем бытия, волнующих человека. Животное, даже обладая высокими когнитивными способностями,

чувствуя боль и испытывая эмоции, просто живет. Оставаясь частью природы, оно не нуждается в праве и в его артефактах как в средствах решения насущных проблем, довольствуется возможностями, «предоставленными» природой.

Таким образом, легализация прав животных не может восприниматься в качестве способа наделить животных новыми, более совершенными инструментами удовлетворения существующих у них потребностей и должна рассматриваться именно через призму способности обеспечить решение проблем, волнующих современного человека и современное общество.

Напрямую исследователи крайне редко апеллируют к тому, что легализация прав животных способна стать средством решения тех или иных актуальных сегодня вопросов [11, с. 15; 13, с. 135–136]. Вместе с тем из того контекста, в котором говорят о легализации, становится ясно, что подсознательно с ней связывается возможность разрешения четырех проблем.

1. В условиях дефицита гуманизма вполне предсказуемо возникает надежда на то, что легализация прав животных может способствовать гуманизации общественной жизни. Означая проявление эмпатии и сострадания не только к людям, но и к другим живым существам, она, как предполагается, может поспособствовать тому, чтобы современный человек стал более совершенным в нравственном плане.

К сожалению, обнаружить причинно-следственную связь между той юридикацией отношений, которую подразумевает легализация прав животных, и усилением способности человека к эмпатии и состраданию, крайне затруднительно.

Наделение животных субъективными правами — акт, который предполагает трансформацию существующих между людьми и животными связей в правовые по своей форме отношения. Такая трансформация всегда привносит в ту коммуникацию, которую она затрагивает, формальность и принудительность, переводит ее в плоскость, в которой базовыми аргументами при выстраивании взаимоотношений выступают законность, разумность, целесообразность, а отнюдь не человечность, чуткость, участливость, способность сопереживать. Чем более юридизированными становятся отношения, тем меньше в жизни человека в принципе остается места для эмпатии и сострадания.

Если же рассматривать легализацию прав животных в качестве способа закрепления в праве моделей поведения, воплощающих в себе нравственные ценности, и исходить из того, что такое закрепление, придавая названным моделям вес и значимость, может способствовать гуманизации общественной жизни и нравственному совершенствованию человека, то эту задачу можно решить, применяя иные (помимо легализации прав животных) правовые инструменты, в частности запрет на жестокое обращение с животными. Это признают и сами сторонники легализации прав животных: так, А. П. Анисимов прямо высказывает мнение, что «запрет мучить животных позволяет формировать более нравственно здоровое молодое поколение» [14, с. 108].

Проблема заключается в том, что в действительности связь между юридическим закреплением моральных норм о гуманном обращении с животными и нравственным совершенствованием человека и гуманизацией общественной жизни отсутствует в принципе. Об этом свидетельствует исторический опыт: в гитлеровской Германии действовали беспрецедентно строгие законы о защите животных (самые известные — «Закон о забое животных» (21 апреля 1933 г.) и «Закон о защите животных» (24 ноября 1933 г.)), однако одновременно это государство вошло в историю в качестве образца беспрецедентного антигуманизма — страна, первой запретившая вивисекцию, использовала бесчисленное множество невинных мужчин, женщин и детей в качестве материала для абажуров и мыла [12, с. 125].

2. С легализацией прав животных связывают возможность изменить отношение здоровых людей к людям с ограниченными когнитивными способностями.

Однако весьма убедительными представляются аргументы тех, кто полагает, что признание правосубъектности и наделение правами животных с высокими когнитивными способностями может непреднамеренно привести к постепенному ослаблению защиты прав и свобод человека. Если признать, что у животных есть права на том основании, что их когнитивные способности сопоставимы с когнитивными способностями, по крайней мере, некоторых людей, то со временем и суды, и общество могут поддаться искушению относиться не только к самым умным животным так, как мы сейчас относимся к людям, но и к наименее умным людям так, как мы сейчас относимся к животным [10, с. 501].

Кроме того, важно понимать, что, если правосубъектность и обладание правами начнут связываться со степенью развитости когнитивных способностей, это приведет к революционным изменениям самого понимания субъекта права. В частности, в данной ситуации может быть поставлена под сомнение возможность рассматривать в качестве субъектов права юридические лица, а в международном праве — народы и нации, поскольку ни те, ни другие когнитивными способностями не обладают.

3. Зоозащитникам представляется, что наделение животных правами может способствовать более эффективной борьбе с жестокими практиками (распространенными прежде всего в сельском хозяйстве) и противодействию жестокому обращению с животными.

Вместе с тем субъективное право — это не гарантия защищенности, а лишь юридически закрепленная возможность действовать определенным образом, реализация которой зависит от того субъекта, которому она предоставлена. Не только признание, но и осуществление субъективных прав требует проявления воли и настойчивости, и наделение такими возможностями того, кто априори не в состоянии самостоятельно их реализовать, может не только не поспособствовать борьбе с жестокими практиками в отношении животных, но и привести к появлению новых способов эти практики легализовать.

Например, нельзя исключить того, что вслед за легализацией прав животных будут найдены способы законного ограничения их прав сложится практика юридического оформления законным представителем животного отказа от субъективного права от лица животного и т. д.

Представляется, что не менее эффективным в борьбе против жестокого обращения с животными может быть более традиционное использование возможностей права, в частности конституционное закрепление положения о ценности животного мира и создание юридических механизмов, обеспечивающих его реализацию, возложение на органы государства обязанности осуществлять охрану животных. Примеры такого использования средств права весьма многочисленны и разнообразны.

Разумной видится мысль о том, что решительное соблюдение существующих запретов может принести большую пользу для обеспечения благополучия животных, чем легализация их прав [17, с. 5]. Вместе с тем важно понимать, что ни наделение животных правами, ни принятие других юридических мер, нацеленных на противодействие жестокому обращению с животными, не будут эффективными до тех пор, пока не изменится массовое сознание.

Когда в 1821 году английскому парламенту была представлена в качестве первой из мер, нацеленных на защиту животных, идея о запрете жестокого обращения с лошадьми, она вызвала смех у парламентариев, которые говорили, что «так дело вскорости дойдет до защиты собак, а того гляди и кошек» [19, с. 580]. В таких условиях никакими юридическими средствами обеспечить защиту животных было невозможно. Сегодня идея о необходимости юридической защиты животных от жестокого обращения смеха ни у кого не вызывает. Однако в массовом сознании пока не сложилось непримиримого отношения к тем практикам, за искоренение которых ратуют зоозащитники, и в этих условиях ни реализация уже существующих юридических мер, ни легализация прав животных, к сожалению, не могут быть эффективными инструментами борьбы с существующим положением дел.

4. С наделением животных правами связываются утверждение принципов экологического гуманизма и решение существующих экологических проблем.

Так же, как не обнаруживается причинно-следственная связь между легализацией прав животных и усилением способности человека к эмпатии и состраданию, сложно проследить ее между легализацией прав животных и формированием мировоззренческих предпосылок, необходимых для утверждения ценностей экологического гуманизма.

Кроме того, важно понимать, что, несмотря на наличие связи между повышением обеспокоенности людей относительно сохранения экологического благополучия планеты и активизацией борьбы за права животных, связь между последней и повышением эффективности усилий для обеспечения экологического благополучия планеты отсутствует. В реальности решению существующих экологических проблем в гораздо большей степени, чем легализация прав животных, может способствовать установление специальных правовых

режимов, обеспечивающих бережное природопользование и сохранение исчезающих видов.

Итак, легализация прав животных, к сожалению, не позволяет решить те актуальные для общества проблемы, в контексте обсуждения которых ставится вопрос о ее необходимости. Более того, рассуждения о ней — если рассматривать их в юридической плоскости — могут служить источником сомнений в ее безопасности.

Глубокий анализ проблемы позволяет обнаружить, что легализация прав животных таит в себе серьезные угрозы.

Во-первых, сегодня субъект, наделенный правами, одновременно воспринимается в качестве носителя воли, активности и ответственности. Существует опасность того, что если субъективные права начнут восприниматься в отрыве от правовых свойств их носителей, то «субъективное право» превратится в понятие настолько размытое, что перестанет что-либо значить. В данной ситуации высоковероятно обесценивание прав человека и утрата механизмов обеспечения их эффективности.

Во-вторых, один из основополагающих для права принципов — принцип формального равенства — предполагает, что всякий субъект, наделяемый правом, одновременно наделяется обязанностью признавать и соблюдать то же право в отношении других субъектов. Субъект, наделенный юридическими обязанностями, одновременно воспринимается как лицо, ответственное за свои действия.

Не вполне ясно, как принцип формального равенства может быть реализован в случае признания правосубъектности животных. По крайней мере, вопрос о возможном возложении на них обязанностей одновременно с предоставлением им прав никто не ставит, очевидно потому, что сама мысль об этом представляется абсурдной.

Российскому праву неизвестны категории субъектов, обладающих только правами, но не обладающих обязанностями и ответственностью. Ответственность — основа действия права. Следовательно, легализация прав животных может стать не только «концом прав человека» [15, с. 34], но и началом конца права.

В-третьих, популяризация идеи о возможности наделения животных правами без объективной возможности сделать их носителями юридических обязанностей способна привести к укоренению мысли о том, что существование прав в отрыве от обязанностей соответствует представлениям о человеке как носителе человеческого начала.

Обладание правами без обязанностей и ответственности может начать восприниматься как норма не только для животного, но и для человека. В этой ситуации может возникнуть феномен юридического иждивенчества, когда люди будут ожидать, что о реализации их прав позаботится кто-то другой, и не будут проявлять активность и настойчивость в их осуществлении и защите.

В-четвертых, в правосознании, в отличие от морального сознания, «конкурируют различные ценностные системы... наблюдается сосуществование противостоящих систем ценностей» [20, с. 3]. В этой связи придание правам животных посредством их легализации той же ценности, которая придается правам людей, создает условия дискриминации человека и «отмены» не только тех, кто настаивает на высшей ценности его прав, но и тех, кого можно заподозрить в нетолерантности к самой идее, что животные являются носителями прав в той же мере, что и человек.

Таким образом, вследствие легализации прав животных могут возникнуть те же эффекты, которые последовали за отменой расовой дискриминации в США, инверсией гендерной власти и юридическим признанием в ряде стран мира небинарных гендерных классификаций, прежде всего это позитивная дискриминация человека, обратная толерантность и доминирование идеологии виктимности.

Результаты исследования

Проведенный анализ свидетельствует о том, что легализация прав животных вряд ли может стать подходящим средством решения тех актуальных для общества проблем, возможность разрешения которых с ней связывают.

Перспективы такой легализации неоднозначны, она может иметь серьезные последствия, причем не только негативные в социальном плане, но и разрушительные для права. При этом тех же результатов, которых ожидают от легализации прав животных, гипотетически можно достичь за счет использования других возможностей, заключенных в праве, и их применение не связано со столь высокими рисками.

Недостаточная эффективность названных средств связана с тем, что изначально проблемы гуманистического и гуманитарного характера решать при помощи права невозможно. При их разрешении правовой инструментарий может играть лишь вспомогательную роль.

Список источников

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
2. Бёркс Х. Дж. Динамическая целостность. Прагматическая ценность третьего тысячелетия // Здравый смысл. 2003. № 1 (26). С. 14–20.
3. Возможность невозможного: планетарный гуманизм для России и мира: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–18 июня 2000 г.). М.: РГО, 2001. 597 с.
4. Заксер Н. Человек в животном. Почему животные так часто походят на нас в своем мышлении, чувствах и поведении / пер. с нем. Н. Ф. Штильмарк. М.: ВШЭ, 2020. 240 с.
5. Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика: Человек, природа и будущее цивилизации. М.: Ленанд, 2022. 256 с.

6. Игнатова Н. Ю. «Новая метафизика» как ответ на вызовы эпохи антропоцена // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: труды II Всерос. науч. конф. (Нижний Новгород, 29 ноября – 1 декабря 2019 г.). Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 115–118.
7. Ioseliani A. D. Philosophical view of environmental safety in the global world // Социально-гуманитарное обозрение. 2020. № 1. Р. 11–15.
8. Гаджиев Г. А. Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
9. Ладенков Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2021. № 3. С. 12–20.
10. Cupp R. Cognitively Impaired Human, Intelligent Animals, and Legal Personhood // Florida Law Review. 2017. Vol. 69. № 2. Р. 465–517.
11. Dombrowski D. A. Babies and Beasts: The Argument from Marginal. Urbana: University of Illinois Press, 1997. 221 p.
12. Marquardt K, Levine H. M., Larochelle M. AnimalScam: the beastly abuse of human rights. Washington: Regnery, 1993. 221 p.
13. Шавьер Ф. С. Права животных и экологические права в Верховном Суде Бразилии // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 133–140.
14. Анисимов А. П. Права животных в российском и зарубежном праве // Аграрное и земельное право. 2016. № 1 (133). С. 103–108.
15. Гоглева К. Ю. Человеческий взгляд на нечеловеческие права // Байкальские компаративистские чтения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 20–21 марта 2025 г.) / отв. ред. И. А. Миннирес. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2025. С. 32–40.
16. Дойников П. И. О цивилитарно-либертарной концепции прав животных // Черные дыры в российском законодательстве. 2021. № 1. С. 66–69.
17. Sunstein C. Introduction: What Are Animals Rights? // Animal rights: current debates and new directions. New York: Oxford University Press, 2004. Р. 3–21.
18. Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии; под ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 443–482.
19. Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 952 с.
20. Фабрика И. В. Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 26 с.

References

1. Brajdotti R. Postchelovek / per. s angl. D. Khamis. M.: Izdatelstvo Instituta Gajdara, 2021. 408 s.
2. Birs H. J. Dinamicheskaya celostnost'. Pragmaticheskaya cennost' tret'ego ty'syacheletiya // Zdravy smysl. 2003. № 1 (26). S. 14–20.
3. Vozmozhnost' nevozmozhnogo: planetarny'j gumanizm dlya Rossii i mira: sb. mat-lov Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 14–18 iyunya 2000). M.: RGO, 2001. 597 s.

4. Sachser N. Chelovek v zhivotnom. Pochemu zhivotnye tak chasto poxodyat na nas v svoem myshlenii, chuvstvax i povedenii / per. s nem. N. F. Shtilmark. M.: HSE University, 2020. 240 s.
5. Moiseev N. N. Ekologiya chelovechestva glazami matematika: Chelovek, priroda i budushhee civilizatsii. M.: Lenand, 2022. 256 s.
6. Ignatova N. Yu. «Novaya metafizika» kak otvet na vyzovy epohi antropotsena // Revolyutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kulture, obshchestve: trudy II Vseros. nauch. konf. (Nizhnij Novgorod, 29 noyabrya – 01 dekabrya 2019). Nizhnij Novgorod: Krasnaya lastochka, 2019. S. 115–118.
7. Ioseliani A. D. Philosophical view of environmental safety in the global world // Social-humanitarian review. 2020. № 1. S. 11–15.
8. Gadzhiev G. A., Vojnikanis E. A. Mozhet li robot byt' sub'ektom prava? (poisk pravovykh norm dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki) // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2018. № 4. S. 24–48.
9. Ladenkov N. E. Modeli nadeleniya iskusstvennogo intellekta pravosubyektnostyu // Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya «Gumanitarnie i obshchestvennye nauki». 2021. № 3. S. 12–20.
10. Cupp R. Cognitively Impaired Human, Intelligent Animals, and Legal Personhood / Florida Law Review. 2017. Vol. 69. № 2. S. 465–517.
11. Dombrowski D. A. Babies and Beast: The Argument from Marginal. Urbana: University of Illinois Press, 1997. 221 s.
12. Marquardt K., Levine H. M., Larochelle M. AnimalScam: the beastly abuse of human rights. Washington: Regnery, 1993. 221 s.
13. Chavier F. S. Prava zhivotnykh i ekologicheskie prava v Verhovnom Sude Braziliy // Pravoprimenenie. 2018. T. 2. № 1. S. 133–140.
14. Anisimov A. P. Prava zhivotnykh v rossijskom i zarubezhnom // Agrarnoe i zemelnoe pravo. 2016. № 1 (133). S. 103–108.
15. Gogleva K. Yu. Chelovecheskij vzglyad na nechelovecheskie prava // Bajkalskie komparativistskie chteniya: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 20–21 marta 2025) / otv. red. I. A. Minnikes. Irkutsk: Izd. dom BGU, 2025. S. 32–40.
16. Dojnikov P. I. O civilitarno-libertarnoj koncepcii prav zhivotnykh // Chernye dyry v rossijskom zakonodatelstve. 2021. № 1. S. 66–69.
17. Sunstein C. Introduction: What Are Animals Rights? // Animal rights: current debates and new directions. New York: Oxford University Press, 2004. S. 3–21.
18. Fromm E. Situatsiya cheloveka – klyuch k gumanisticheskomu psixoanalizu / E. Fromm // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii; pod red. Yu. N. Popova. M.: Progress, 1988. S. 443–482.
19. Pinker S. Luchshee v nas: pochemu nasiliya v mire stalo menshe. M.: Alpina non-fikshn, 2021. 952 s.
20. Fabrika I. V. Aksiologicheskaya sushhnost' pravosoznaniya lichnosti: teoreticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2007. 26 s.